

73
догослуж

Л. И. БРЕЖНЕВ

Наши чувства

глубочайшего уважения

и признательности

обращены ко всем,

кто беззаветно предан

ленинскому союзу

свободных народов,

чей труд и вдохновение

делают нашу любимую

Родину с каждым днем все

могущественнее и краше,—

к славному рабочему классу

и труженикам

колхозных полей,

к нашей интеллигенции,

к доблестным воинам

Советской Армии, к нашим

замечательным женщинам.

Мы обращаемся

со словами привета

к нашей молодежи, которая

достойно принимает

эстафету старших

поколений и от которой

во многом зависит,

каким будет

Союз Советских

Социалистических

Республик

к началу третьего

тысячелетия нашей эры.

Из доклада «О пятидесятилетии

Союза Советских

Социалистических Республик»

на совместном

торжественном заседании ЦК КПСС,

Верховного Совета СССР

и Верховного Совета РСФСР

2

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

СЫН 120ГО ПОЛКА

Штамповка из алюминия: частые вмятины, облупилась на боках защитная краска — солдатский котелок. Ненудренная штука. Сразу же после войны почти в каждом доме имелся свой солдатский котелок. Нынче попробуй сыщи его. А Владимиру Никифоровичу понадобился не один, не два. Много котелков...

Мы долго бродили с Харченковым по Волгограду. Постояли у строгого, устремленного в небо обелиска. У Вечного огня. Молчали. Прошли Аллеей Героев, Гвардейскими улицами...

Многие названия оставлены здесь войной. Это, да еще памятники, да таблички на домах возвращают нас в тот разбитый, пропахший гарью, прижатый к Волге город-фронт...

Время войны. У него свой отсчет. Кто был там, знает: один день в Сталинграде равен иному году. А их было свыше ста. Сто сорок три дня и сто сорок три ночи. И в этом горьком, порой полном отчаяния, но и

героическом ряду были дни особые, оставшиеся навсегда, — дни, в которые решена была судьба великой битвы. Они ослепительно резки, будто снимки с магниевой вспышкой...

Танковые башни на постаментах рассекли весь Волгоград той давней линией фронта. Не города и села значатся в пожелтевших сводках Совинформбюро — городские районы, заводы: тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь».

...По разбитому, оцетинившемуся железными балками цеху вел меня воин Володя Харченков. Каждый шаг под огнем...

Отсветы огня на лицах. По оглушительным пролетам мартеновского цеха «Красного Октября» прошел я со сталеваром Владимиром Никифоровичем Харченковым. Огонь — не смертоносный, созидающий — гудел в мартенах. Пошла сталь. Жгучий свет захлестнул цех, вырвался наружу, прорвал ночные облака. Зарево

повисло над заводским поселком. Но эти огни уже не принадлежали войне...

Идем дальше, еще таблички: улица Мира, Ленина, Советская, Краснопитерская... Теперь весь этот путь занимает четверть часа. В военную пору от задымленных колонн театра до набережной защитники города пробивались двое суток...

Им сегодня пятьдесят, кому было двадцать. Тогда, в феврале 43-го, свыше семисот тысяч человек были награждены медалью «За оборону Сталинграда». Немногие из них остались в живых. Длинной оказалась дорога до Берлина. Не все увидели Победу. И до сих пор еще уносит война своих израненных героев.

Когда над притихшим Мамаевым курганом взлетают праздничные ракеты, Харченков долго смотрит в расцвеченное небо. «Как тогда на Волге, — думает он. — Повиснет ракета, и не укрыться, не спрятаться от ее беспощадного света...»

От густого гудка, долетевшего с Волги, вздрогнули привычно окна... Время! У Владимира Никифоровича Харченкова уже седая голова.

Медленно поднимается мы по широким ступеням на Мамаев курган.

— Я ведь и солдатом-то не числился, — говорит Владимир Никифорович. — Годами не вышел. Меня Гаврошем называли...

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

На второй звуковой странице
рассказ В. Н. Харченкова,
записанный на Мамаевом кургане,
где каждый час слына караула,
где гудят шаги часовых...

Оборона Сталинграда. 1942 г.

РИТМ ГЛАВНОГО

ПЯТИЛЕТКА:
ГОДЫ И МИНУТЫ

Жизнь автомобиля начинается на главном конвейере. Сюда из многочисленных цехов ЗИЛа идут детали, узлы, железные компоненты, которые и составляют грузовоз. Стоит на считанные минуты остановиться конвейеру, как нарушается ритм производства. «Аварийное состояние» на конвейере отдается и на заводах-филиалах. Сейчас их восемь. Строится девятый. Их продукция преодолевает сотни километров, прежде чем попадает на сборку. Сборочный корпус — главный не по масштабам занимаемой площади, а по значимости — определяет общий успех. Выполнение государственного плана.

В журналистском блокноте, на обложке которого значится: «Ремонтники», — записи о слесарях бригады Владимира Шапкина, этих дозорных четкого ритма конвейера. Я могу рассказать о том, какой необычный образ жизни выбрали себе эти ребята: они работают в выходные и праздничные дни. И у этого выбора есть объяснение: все учатся в заводском ВТУЗе, а, как они говорят, в воскресенье не позанимаешься — и в кино потянет и за город. Я могу описать комнату в заводском общежитии, где живут двое из них, Анатолий Антоненко и Виктор Трусов, комнату, где больше спорят о рационализации оборудования, чем мечтают о девушках, хотя оба — холостяки и парни хоть куда. Могу рассказать о том, как Виктор еще подростком преподавал в сельской школе. И у Толи есть масса историй про его службу в ракетных частях. Но я хочу отыскать главное. А это не просто. Мелькают записи наших разговоров:

*Лозунг первостроителей:
«Даем автомобиль!» —
и сейчас главный для
рабочих ЗИЛа. Внесено лишь
существенное добавление:
лучший автомобиль. Но ведь
был первый
автомобиль.
Как он дался
стране?*

*Послушайте
на звуковой странице,
подготовленной Г. Шерговой,
рассказ ветерана ЗИЛа
Н. С. Королева. Он говорит
о главном в связи слов
«рабочий» и «время».*

«Конечно, работа ремонтника интереснее, чем даже инструментальщика. Ведь она требует знания всех операций, умения быстро поставить «диагноз» поломки или затяжной остановки...»

«Теперь уже невозможно, как бывало прежде, сказать: «Не потянула железка, лопнула». Технология металла, структура металла должны быть открыты слесарю во всех тонкостях...»

«Дальнейшая специализация заводов-поставщиков, филиалов ЗИЛа — это повышение производительности труда, это решение проблемы кадров, это тактический, если хотите, момент...»

Знание до тонкостей, умение, широкий взгляд на вещи, перспектива... Перечитываю заново разговоры с парнями и, кажется, чувствую, что в них основное.

Научно-техническая революция шагает по стране. И мир отражен в ее зеркале не только убыстренным мельканием дней и открытий. Он отражен и сущностью социального строя страны, где эта революция вершится.

Западные социологи пишут о «практической ликвидации значения рабочего на производстве, об абсолютно ведущей роли интеллигенции». Слов нет, наука, ее деятели и у нас играют роль значительнейшую. Ведь и прогресс-то сам «научно-технический». Но «интеллигенция» — от латинского «разумный», «понимающий». Разве это не о моих ребятах? В условиях нашей научно-технической революции речь идет не об избавлении рабочего от тяжелого физического труда (это было задачей простой механизации), а об умственном обогащении труда. Не о сокращении рабочей нагрузки, а о ее преобразовании.

Я решил написать о ремонтниках вот еще почему. Раньше ремонтный рабочий считался вроде бы специалистом «второго сорта», не то что какой-нибудь токарь-универсал. А, например, в 1970 году доля ремонтно-наладочного персонала в некоторых отраслях промышленности достигла 50 процентов. Ибо родился новый тип рабочего — наделенного инженерной мыслью, участвующего в организации производства, чувствующего весь организм цеха, завода, — такой, как мои ребята.

Е. ВОЙНИКОВ,

сотрудник газеты «Московский автозаводец»

На фото Л. Л а з а р е в а: Анатолий Антоненко, Владимир Шапкин, Дмитрий Плешков и Виктор Трусов — четверо из бригады наладчиков четкого ритма главного конвейера ЗИЛа.

ЗИМНИК

Аркадий РЕВЕНКО
Фото В. Мишина

Есть люди, вся жизнь которых проходит на колесах. Почему? Бывалые шоферы отвечают коротко: «Что поделаешь! Не всем же сидеть дома. Кто-то должен жить в пути».

Якутия... Морозы. Просторы. Тайга.

Где найдут геологи алмазную трубку — там быть поселку или городу. Вот как уже есть Мирный и в 600 километрах на север от него Айхал. И еще ближе к Полярному кругу растут поселки Удачный и Надежный. Директивами же по девятой пятилетке предусматривается дальнейшее увеличение добычи алмазов в Якутии...

Железных дорог там нет. Есть автомобильные. Постоянных, обыкновенных, по которым можно ездить в любую пору, немного. Больше зимников — временных зимних трасс. Там ведь сплошь болота да топи. Летом и трактор не пройдет и вездеход застрянет. А зимой мороз скует землю, тогда хоть до самого Ледовитого океана поезжай.

Конечно, и зимник прокладывать приходится: просеки рубить, камни убирать, снег счищать. Дорожникам хлопот хватает. Без них бы не было дорог. А без дорог не было бы ничего. Ни поселков, ни фабрик. И вот идут грузовики. День ли, ночь, пурга, мороз, снег ли валит — они все идут. КРАЗы и МАЗы, «татры» и ЗИЛы. Чередой и поодиночке.

От Мирного до Чернышевска, до Вилуйской ГЭС, уже есть асфальтированное шоссе. Едучи по нему, забываешь даже, что ты в полярных широтах. А сойди только с этого шоссе, и на тысячи километров вправо и влево нет ни города, ни села, ни дороги, ни проселка.

Дорога вьется по берегу Вилуя — реки быстрой, мощной и никогда здесь, под плотинной ГЭС, не замерзающей. Только пар стоит до небес, и деревья на берегах в таком роскошном инее, что и глазам не веришь, словно в театр попал или в сказку. А потом вымахнет из-за поворота, будто снова нечто нерукотворное, каменная Нягара — плотина Вилуйской ГЭС... Приближаешься, видишь красные полоски призывных плакатов, видишь экскаваторы, бульдозеры (какими же они маленькими кажутся!), а потом ребят и девочек с ударной комсомольской — и все становится на место: ничего тут сказочного нет. Юность строит здесь нашу, советскую быль.

Проедешь по плотине на другую сторону — конец асфальту. И пошел зимник. На сотни километров — зимняя дорога.

Машины здесь ходят чаще всего попарно или колоннами. Чтобы в случае чего помочь друг другу. Но и так, если увидят, стоит машина, обязательно всматриваются: а что там? Почему остановилась? Может, задремал водитель? Если задремал, растолкают, спать не дадут: опасно, можно замерзнуть.

Чтобы водитель мог отдохнуть, ставят на зимниках автопункты. Через каждую сотню-другую километров — маленькие поселочки. Там есть гостиница (бесплатная), есть душевая, есть столовая (круглосуточная). Конечно же, есть мастерские, где можно починить машину. И техпомощь всегда готова выехать на трассу. А то и без вызова взад-вперед ездят «летучки» по зимнику. Ведь если заглохнет у кого мотор, а помощи долго не будет, так и до беды недалеко.

...На 124-м километре трассы Мирный — Айхал мы зашли в жарко натопленную конторку и, пока шофер наш заливал бензин, разговорились с дежурной заправщицей, проводившей первую свою зиму в этих краях. А потом и с водителями огромных КРАЗов...

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Мирный — Айхал

ШТОРМ

Скачут волны в гриах пены,
Даль кипит белым-бела.
Осень вырвалась из плена,
Закусила удила.
Казакут вновь над Крымом.
Тешут силушку шторма.
А потом — неумолима —
Закуражится зима.
Мне и грустно и счастливо
Видеть времени намет.
Скачут кони, выются гривы,
Женский голос душу рвет:
«Жизнь текла обыкновенно,
А когда и не ждала,
Сердце вырвалось из плена,
Закусило удила...»

ОСЕНЬ

Уже погасли горные леса:
Ни золота, ни пурпура — все буро.
Но мне близка их скорбная краса,
Мне радостно, хоть небо нынче хмуро.

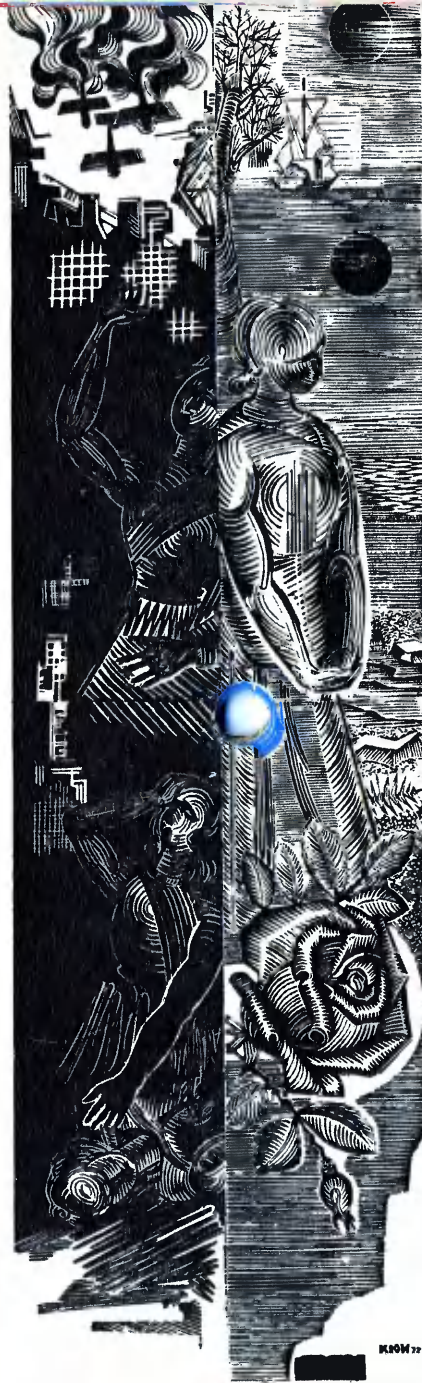
От высоты кружится голова,
Дышу озонным воздухом свободы,
И слушаю, как падает листва,
И слушаю, как отлетают годы...

Да здравствуют южные зимы!
В них осень с весной пополам.
За месяц январского Крыма
Три лета курортных отдам.

Здесь веришь, что жизнь обратима,
Что годы вдруг двинулись вспять.
Да здравствуют южные зимы!
Короткая их благодать...

И опять мне смотреть в окно,
Вновь звонка, как девчонке, ждать.
И немного самой смешно,
Что, как в юности, все опять.

А в Москве зацвели тополя,
Залетает в квартиры пух...
Может, крутишься ты, земля,
Лишь для хрупкого счастья двух?

В полутьме городских небес
Городская заря зажглась...
Что мне космос, что мне прогресс
Без твоих азиатских глаз?

Стали голыми тополя,
Снова в снег превратился пух.
Снова крутишься ты, земля,
Лишь для хрупкого счастья двух...

Мне забыть про тебя пора.
Мне тебя позабыть едва ли —
Снятся летчику прожектора,
Что в ловушке его держали.

До сих пор его те лучи
То отпустят, то снова ловят...
Умираю опять в ночи
Я в ловушке своей любви.

Шелестят осины надо мною,
Желтый лист приклеился к плечу...
Знаю, что высокою ценою
За любую радость заплачу.

Паучок спланировал на платье,
Обрвалась паутины нить...
Что цена мне? Я из тех, кто платит,
Только было бы за что платить!

Все делаю, что надо, видит бог:
Пишу, служу и мельтешу по дому.
Но вдруг воспоминанье, как ожог,
И вот тогда — хоть головою в омут.

Я с наваждением справлюсь — не впервой.
А нет, — так, правда, в омут головой...

Я с улыбкой махну вам рукой
И уйду, чтобы больше не встретить.
Не сержусь я, что вы не такой,
Как мне виделось в месяцы эти.

Пусть вы были калифом на час,
Пусть я приняла позу за смелость —
Все равно, из-за вас, из-за вас
Так легко мне дышалось и пелось!
Гравюра Ю. Космынина

Снег просыпался в последние дни осени, когда земля была скована первым морозцем. Ветер подхватил сухие снежинки, закружил их, стал сметать с голых полей в овраги и к лесным опушкам — и началась белая кутерьма. А после метели, как всегда, потеплело и даже пролился дождик. Но вдруг ударил мороз.

Солнце в розовой, лютый мгле поднялось над обмороженной землей, над голыми и мертвенными в своем глинистом однообразии полями, над обледеневшей желтой осокой едва припорошенных болот, над еловыми опушками и сквозящими березняками.

Все обмерло в страхе перед этими бесснежными морозами, все застыло в тишине солнечных дней и лунных ночей. Каждая веточка, травинка, каждый обмороженный листик, крохотный какой-нибудь кустик, покрытый корочкой льда, — все это трещало, разрушалось с хрустом под ногами, легко разламывалось, вскрикивало, и оттого ходить в оцепеневшем лесу стало неловко, словно бы виноват

но уже топчет в тишине своими лапами, ломится сквозь кусты, старается изо всех сил, стреляет паром, мелькает в дымчатой чащобе голого ольшаника, торопится в поиске и, забыв о содранном пальце, носится по лесу, то отдаляясь от нас, то вдруг пугая неожиданным и шумным приближением.

— Ай-яй-яй-яй! — покрикивает ему егерь. — Тут-тут-тут! Работай, Караюшка, работай!

Если бы не Карай, мы давно бы, наверное, ушли из леса домой, потому что какая уж тут охота, когда и шагу сделать нельзя без шума, будто ты не по лесу, а по замерзшим лужам ходишь. Одна надежда и была на Карая, которого мы из-за ноги пораненной не хотели брать на охоту и привязали, чтоб он за нами не пошел, но Карай перегрыз веревку и, прихрамывая, догнал нас уже на опушке. Вот и получилось, что не мы его привязали, а он привязал нас к охоте...

Впрочем, не совсем так, потому что, когда Карай прихватил свежий след, я

рая, удаляясь от нас и от страшного своего преследователя.

— Лису погна! — сказал мне егерь, а сам торопливым шагом пошел куда-то в сторону, не туда, где еще слышен был бубухающий голос Карая, а совсем в противоположную, задумав, видимо, свою, одному ему известную тактику.

А меня вдруг обужала суета, страсть во мне так разыгралась, что я и сам готов был бежать за собакой через заиндевевые сечи, которые открылись передо мной — перед запыхавшимся и потерявшим всякое представление о том, что надо делать, неопытным, еще молодым охотником, которому впервые в жизни удалось вот так хорошо увидеть, как прихватила след собака, а потом услышать начало стремительного и звонкого гона.

Я не знал, что мне делать. Видимо, егерь предполагал, что я охотник бывалый и подсказывать мне ничего не надо, не догадываясь, что это первая моя охота с гончей. Во всяком случае, его со

ты был перед лесом за нарушенный, мрачный его покой, словно бы не до тебя ему теперь, не до твоей утехи...

— Черт побери, где же Карай?!

Наш огненно-рыжий, лобастый выгляц, содравший накануне палец в кровь, дав-

Георгий

СЕМЕНОВ

был поблизости и видел, как он, торопясь и повизгивая, пересек поляну и промчался рядом со мной. Сиплым стоном прорезал он тишину леса и, удаляясь от меня, мелькая в кустах рыжей рубашкой, огласил вдруг мертвенную округу набатным голосом. И все помутилось у меня в голове, все померкло, и весь я превратился в чуткое существо, которому, казалось, на роду было написано только слушать этот живой набат в промороженном лесу и бежать сломя голову на этот набат и кричать в радости и восторге.

— Погна! Погна!... Я видел, как он прихватил... Погна! Погна! Погна Карай!

Голос его, окрепнув, заполнил весь лес и с ритмичностью заколотившегося моего сердца, четкими ударами пульсировал в моем сознании, в каждой клеточке моего окрепшего вдруг, сбросившего усталость тела... Погна! И понятно уже было, что на этот раз началась охота, и живое, горячее и стремительное в своем беге существо несло впереди Ка-

С КАРАЕМ

мной не было, и я не мог понять, где он теперь и какие у него планы. А когда и Карай убежал так далеко, что и голос его потерялся, я остановился посреди сечи и стал слушать.

Было так тихо вокруг, что кровь, бегущая толчками, бьющая мне в голову гулками ударами, сбивала меня и мешала услышать далекий лай. Дыхание мое тоже мешало мне, и я затаивался, но и это не помогало. И только чутые подсказывало мне, что за далекими островами леса, вставшими посреди огромных сечей, за синими лесными далями все еще продолжался и набирал силы смертельный этот поединок хитрого зверя и лобастой, умной собаки, которая еще никогда, как сказал мне егерь, не сходилась с гона, коли зверь бежал живехонкий и невредимый где-то впереди него. И теперь лису могла спасти только лишь темнота предзимней, ранней ночи или глубокая нора, в которую не сможет проникнуть собака. Карай однажды попробовал, но застрял, и хорошо, что

егерь знал те лесные завалы, в которых выкопала себе нору лисица, а то бы так и погиб Карай на радость спасшегося зверя. Но егерь на другой день нашел нору и вытащил измученную собаку. Видно, с тех пор Карай возненавидел лис и не знал усталости, когда в ноздри ему бил лисий дух.

Неужели на этот раз бросил?

Но до слуха моего довелись чуть слышные звуки... Они на лай не похожи были, и сначала казалось, будто кто-то там далеко-далеко рубил топориком звонкое промерзшее дерево. Держать эти звуки на слуху было нелегко: они вдруг пропадали, и я слышал только стук своего сердца, то вдруг возникали снова.

И я побежал на эти ускользающие от меня загадочные звуки... Все глухло в хрусте моих шагов, но когда я останавливался, то уже отчетливо слышал ахающие звоны собачьего лая.

Я долго метался от одного перелеска к другому, пересекая заросшие кустарником сечи, и слышал в надвигающихся су-

лису... Она бежала легкой трусцой, повернув треугольную остренькую головку в сторону собачьего лая, прислушиваясь к этому лаю и словно бы раздумывая, как ей быть дальше, и потому не видела меня, увлеченная собакой, которая была уже поблизости.

Сомнения в душе, как выстрел, — собака ведь тоже рыжая! Не убить бы собаку. Нет! Это была лиса.

Я бессознательно вскинул ружье, палец дернул спусковой крючок... Выстрел! Лиса подпрыгнула и стелюще побежала. Не видя меня и не поняв, откуда раздался ужасный этот грохот, она бежала ко мне... Я опять, на этот раз прицелившись и поведя стволами, выстрелил... И опять промахнулся. А лиса так близко промчалась мимо меня, что я хорошо успел разглядеть ее. Хвост по земле волочился, поджимала она его, а голову словно бы в плечи вобрала, съежилась вся, сгорбилась. Пронеслась рядом, так и не увидев как будто бы меня, и скрылась...

дергался, обнажая белые клыки в разинутой пасти. Лиса, видимо, ушла в нору, и Карай ее бросил. Егерь успокоился и говорил собаке ласково:

— Ну что, Караюшка? Что, рыжий, лапа болит? Пошли домой?

И я тоже на радостях, что собака пришла, говорил ей:

— Молодец, Карай. Все хорошо сделал, а я, дубина, промазал... Ты молодец, хорошо погонял, хорошая собака... Надо же так промазать!

— Ничего, — говорил егерь, — бывает!

В лесу смеркалось, но мы уже вышли на дорогу, которая вела в деревню, и было спокойно у меня на душе. Страсти мои улеглись, досада уже не мучила меня, и я даже подумал, когда мы подходили к дому: «Ну зачем мне эта лиса? Что бы я с ней стал делать? Шкуру содрал? А потом? Зачем мне эта шкура?»

И, оглянувшись на сумеречный, промороженный, мрачный лес, с радостью представил себе на миг рыжую лисицу в норе, перепуганную до смерти моими выст-

ПО ЧЕРНОТРОПУ

Рассказ

мерках, как егерь потрубливал в рог, отзывая меня, как собаку, с гона... Был он тоже далеко от меня, как и Карай... Но я, промокший от пота, запыхавшийся и возбужденный, слышал опять приближающийся голос Карая, бежал наперерез, а лиса опять как будто бы разгадывала все мои замыслы и опять проходила далеко стороной.

И все-таки наступило наконец мгновение, когда пути наши скрестились...

Я стоял, пошатываясь от усталости, в реденьком перелеске и с надеждой слушал Карая, голос которого впервые за все это время раздавался так близко, что чудилось мне, будто это уже и не собачий лай, а гульки, срывчатые, страстные крики какого-то неведомого существа летели на меня, заполняли лес и меня своим трубным звоном, будто только они и были на свете.

И странно! Я лису сначала тоже услышал, а потом уж увидел... Я услышал, как прощурало что-то за двумя голоствольными елками, и вдруг увидел рыжую

Карай умолк, услышав выстрелы, и вскоре вывалился из леса, подбежал ко мне, но, поняв, что я промахнулся, застал на весь лес, прихватил горячий след и осипшим голосом, простудно забил опять в свой колокол и ушел опять за лисой. А я стоял и поверить не мог, что промахнулся. Стыдно мне было перед собакой, которая ушла опять на ночь глядя вслед за лисой, и перед егерем, который пришел на выстрелы, стыдно: На все мои жалобы и проклятия он отвечал, улыбаясь:

— Бывает...

За собаку только тревожился.

— Лиса не занорится, так и будет гонять, не раньше утра теперь придет, — говорил егерь, и видно было, что ему не хочется возвращаться домой без собаки.

Он потрубливал в рог. Но лес был тих и мрачен, и голос Карая опять летал в недосыгаемых для слуха даялах.

Но все-таки Карай пришел. Бока его рыжие ходили ходуном, язык торопливо

релами и неутомимой собакой, которая гоняла ее, бедную, оглашая лес набатными ударами гулко и страстного своего голоса, который теперь звучал во мне тихой и торжественной музыкой.

Фото Ю. Сидельникова

Как далеки, как непохожи друг на друга два эти города!

Вечно голубое небо, звонкие канцоны, льющиеся над лазурным заливом, темно-зеленые пинии, яркое солнце, живописные лохмотья нищих и строгие одежды богачей — это Неаполь, средиземноморский, древнегреческий, древнеримский, испанский, итальянский Неаполь («Ах, увидеть Неаполь и умереть!...»)

Тинный Булак, замерзшее озеро Кабан, на льду которого краснеет кровь и валяются рукавицы — только что кончилась праздничная «стенка», мрачные корпуса мыловаренного завода братьев Крестовниковых, кабаки и лачуги Суконной слободы или Песков — это Казань, грязная, шумная, полуазиатская Казань прошлого века («Эх, сирота казанская!...»)

Два непревзойденных певца родились в этих, столь разных городах. Энрико Карузо, Федор Шаляпин. О каждом из них написаны десятки статей, книг, исследований. «Это второй Шаляпин», — говорим мы о полубившемся нам молодом

рузо-отца и Ивана Васильевича Шаляпина были скудны. Оба начали свой путь на провинциальных сценах.

Россия стала первой ступенью на пути Энрико Карузо к мировой славе. После приглашения на «итальянский сезон» в Петербург в 1898 году особенно упрочилась известность молодого тенора. А через два с половиной года, 16 марта 1901 года, Федор Иванович Шаляпин дебютировал в Милане, в «Ла Скала». Италия возвратила ему то, что сделала для Карузо Россия: после выступления в Милане он стал мировой величиной.

Шаляпин подробно рассказал об этом дебюте в «Страницах из моей жизни». Там же читатель найдет и слова, написанные одним гением о другом: «...Как сейчас, помню представление оперы «Любовный напиток», в которой замечательно пел Карузо, тогда еще молодой человек, полный сил, весельчак и прекрасный товарищ. Натура по-русски широкая, он был исключительно добр, отзывчив и всегда охотно, щедро помогал товарищам в трудных

УВИДЕТЬ НЕАПОЛЬ... УВИДЕТЬ КАЗАНЬ

6

басе. Каждый новый тенор в Америке сейчас же получает прозвище «New Caruso».

Казалось бы, как непохожи друг на друга два эти гения! Сын неаполитанского механика и сын писца уездной управы. Небольшого роста, склонный к тучности, черноволосый Карузо и высоченный, статный, с открытым русским лицом Шаляпин. Неморино и Варлаам, Канио и Кончак.

И вот сейчас они вместе, на одной звуковой странице нашего журнала.

Давайте посмотрим, что в них общего. Кроме того, что к ним обоим пристал более всего эпитет «великий»; кроме того, что их пение осталось уникальным явлением в истории мирового вокального искусства; кроме того, что нельзя представить себе ни одной фонотеки без записей этих двух голосов.

Судьба, словно заботясь о будущих биографах, бережно подбирает факты.

Карузо и Шаляпин — ровесники. Оба родились в 1873 году, в одном месяце. Оба выросли в семьях бедных: заработка Ка-

случаях жизни». Надо добавить еще, что и Шаляпин и Карузо были не только великими певцами, что их роднил не только талант и не только потрясающая работоспособность. Оба были еще и киноактерами, скульпторами, хорошими рисовальщиками...

Энрико Карузо умер в Неаполе, вернувшись туда после гастрольной жизни, словно буквально исполнив пословицу: «Увидеть Неаполь и умереть».

Смерть застала Федора Ивановича Шаляпина вдали от родины...

В марте 1901 года на сцене «Ла Скала» они пели вместе в опере Бойто «Мефистофель». Сейчас их голоса прозвучат тоже рядом.

Евг. ХРАМОВ

Карузо исполняет итальянскую песню «Лолита» (реставрировал Х. Педусаар), Шаляпин — романс С. Рахманинова на слова Я. Полонского «Вчера мы встретились» (из коллекции Б. Рудзиевского, публикуется впервые). Записи сделаны в 1908 и 1914 годах.

представляет композитор

Одна из наивысших радостей приходит к композитору в тот момент, когда он чувствует, что его песня нашла исполнителя, который точно раскроет замысел.

Вот мы с поэтом П. Леонидовым написали чуть грустную песенку-вальсочек на шесть восьмых, песенку-воспоминание, «как платье горошком мелькнуло и скрылось...». Короткая юмореска требует певческой тонкости, чутья, легкости. Именно так, почти «невесомо», поет «Гармошку» Та-

мара Раевская — известная белорусская эстрадная певица.

Когда-то мы вместе учились в Молодечненском музыкальном училище. Я начинал как аккордеонист, она готовилась стать хоровым дирижером. Жизнь немного изменила наши планы, и совершенно неожиданно мы встретились у рампы «Кругозора»...

Исполнитель второй песни — Арташес Аветян. «Твоя судьба» на стихи Л. Дербенева — это песня о робкой, несмелой любви, о чувствах, которые не сразу решаешься высказать. Она как нельзя лучше совпадает с манерой Аветяна — певца настроения, тонких чувств, тихого разговора.

Юрий АНТОНОВ

Виктор БОКОВ

Струна говорит...

Эту строку из народной песни «Ай, Дунай, мой Дунай» запомнил я еще с детства. Да и балалаечку научился держать в детстве, играть и петь под нее — тоже. Народ сказал, что балалайке с материнской нежностью и любовью:

Балалаечка играет,
Балалаечка поет,
Балалайке сделать ножки,
Балалаечка пойдет! —

словно и не о музыкальном инструменте, а о маленьком ребенке, родители которого ждут не дожидаясь, когда сделает свой первый шаг их наследник.

Первый шаг балалайка сделала еще в незапамятные времена скоморохов — наемщиков на боярах и доеводах. Без простую девушку из сел, потешнику и плакальщицу, велел тишайший царь Алексей Михайлович искоренять вместе со скоморохами. И мастера со славными музыкантами где-нибудь в закутке, на далеком заимке, секретно от царя и стражи играли для своей утехы и радости бессмертную «По улице мостовой».

Балалайка!

В слове этом что-то от балалагуры, от балабоя, от красноты. Но это не дед Шукара, это золотистый струнный, добрый молодец с красной речью, красная девушка-вышивальщица. Когда слушаешь выдающегося балалаечника Михаила Рожкова, думаешь про себя: «Как вышиваешь!» Слушаешь его — и живешь вместе с ним великим чувством прекрасного.

Андреев. Трояновский... Как много сделали они для нас, балалайки, как подняли ее славу в глазах всего мира!..

Мне дорога балалайка и в простом быту, когда на ней играют не виртуозы, а сельские музыканты. Как забыть глухое

А СТРУНА-ТО ГОВОРИТ!

вологдское село неподалеку от Грязцова и Машу Закопаеву, молодую женщину, игравшую поздно ночью на балалайке в своем домике от трех окошечек! Она не завлекла звуки обычным ударом пальца, нет, она изящно перебирала струны, и от этого перебора шла сказочная, волшебная мелодия.

Рядом с Машей сидел пожилой отец, пришедший с работы, суровый, как Меншиков на картине Сурикова, на полу сидел муж Серёжи. Лицо его, ошпаренное ветром и морозом, похлыало от тепла в доме, от блаженного чувства отдыха...

Утром я уговорил Машу поехать в Вологду записать игру на магнитную пленку.

— Машу в город везут, балалайка мостовичу понравилась! — говорили прохожие калхоза «Заворок».

Но душевной готовности порадовать людей игрой Маша так походила на скамиста-северянину Кривошленова, только скамиста не срывали.

«Люблю балалайку! Люблю и ее мастеров! Ничинаренко, Филипп Минеев, Алексантьев, бог балалайку наших дней, — мои друзья».

Дома она у меня в почете. Над лампой головой висит, над рабочим столом. Сколько знает о ней, а вот последнее:

В балалаечке моей
Преселился соловей,
Голосистый озорник,
Я давно к нему привык.

Там немного — три струны. Но и богатырей было три, и сколько подыгов!

На седьмой звуковой странице слушайте трехструнную балалайку: песню П. Ермишева на слова Б. Дубровина «Балалаечка моя» исполняет И. Суржиков, старинный романс «Калитка» играет В. Нагорный, а «Уральскую плясовую» — О. Глухов.

Евгений ВИНОКУРОВ,
лауреат премии имени Дж. Неру

Путешествовать — это значит терять иллюзии.

С детства во мне жила Индия — сказочная страна: слоны и магаджи, роскошные дворцы, заклинатели змей, факиры...

Позже я начал заниматься Тагором, индийской философией. Прозаик, политик, музыкант, критик, художник, историк, композитор, философ, педагог, лингвист, актер, режиссер, Тагор брался за перо поэта только тогда, когда чувствовал, что, кроме как стихами, не может выразить себя. И если за карандаши и кисти он взялся только в шестьдесят лет, поэтому он был с самого раннего детства: первое стихотворение опубликовал в 14 лет. Тагор писал стихи, как пишут дневник, изо дня в день, фиксируя свои тончайшие душевные движения.

В заметках о его философской лирике я писал, что все истинные поэты мира находятся в общении друг с другом, для них не являются препятствием ни барьеры времени, ни барьеры пространства. Как близок по восприятию природы к Тагору, например, наш советский поэт Заболоцкий с его «лицами зверей»! Тагоровский «несмысленный ум» в природе не

тот ли ум, о котором писал этот наш глубокий философский лирик, тот ум, что брезжит в «лице коня», в глубине материи? Но ведь это же предмет раздумья и нашего русского классика Тютчева с его «мыслящим тростником...».

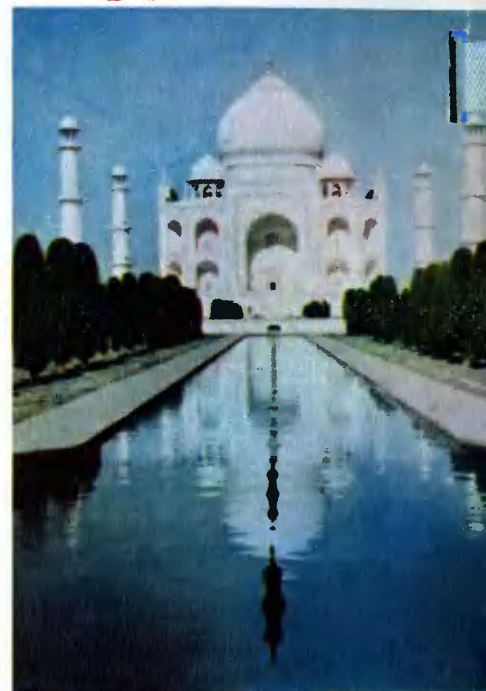
Тагору было дано понимать мир, природу, он был допущен туда, в ту святая святых, где, говоря его словами, «великая Мать баюкает сердце Вселенной». Он слушал шорохи мира, тайные, не слышимые никому, голоса, идущие из глубин, он понимал нечто такое, что, выраженное мелодически, дает людям силу жить. Казалось, сама тайна бытия была ему открыта в интуиции. Не потому ли он имел столько читателей? Ведь что может быть интересней, чем вопрос, что такое человек и что такое его бытие!

Моя работа о философской лирике Тагора была издана в Индии вместе со стихами, ему посвященными. В ноябре 1971 года с группой лауреатов премии имени Неру я вылетел в Дели.

В Упанишадах — древнейших философских трактатах Индии — сказано: «Все существующее есть порождение радости». Тагор тоже ставил в центр мира радость.

На аэродроме в Дели, как только мы сошли с трапа, на нас надели огромные вен-

ПОД НЕБОМ

МЕЛОДИИ ДРЕВНЕГО СИТАРА

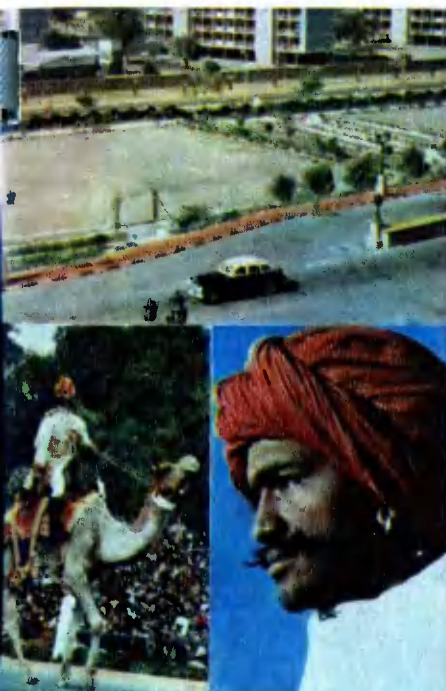
МУЗЫКА КИНО

По просьбам читателей

Наша девятая звуковая страница знакомит вас с музыкой к индийскому фильму «Мое имя — клоун», который недавно прошел по экранам кинотеатров. Фильм поставлен известным индийским режиссером Раджем Капуром по сценарию писателя Ходжи Ахмад Аббаса, так же как и фильмы «Бродяга» и «Господин-420». Герой Капура — смешной и трогательный Раджу, который при всех своих несчастьях полон оптимизма и веры в будущее, — главный персонаж серии фильмов, рассказывающих о судьбе простого человека, живущего в неуютном мире цивилизации. «Мое имя — клоун» — это повесть об очень одиноком человеке, который живет в вечном ожидании: вот случится что-то необыкновенное, и он встретит настоящего друга. Он хочет приносить людям радость, но дарит им лишь мгновения веселья — он клоун. Музыку к фильму написали композиторы Шанкар и Джайкишан — постоянные соавторы Капура.

ИНДИИ

ки из сочных влажных цветов. Нас возили по всей стране. На юге по нашей машине скакали обезьяны; были и слоны, на которых мы даже катались; были и факиры и заклинатели змей. Иногда на улицах нам приходилось перешагивать через спящих на циночках людей, а по тротуару шли женщины в сари, сплошь затканные драгоценными камнями.

Я видел сингхов — представителей воинственного племени, которые не бреют ни усов, ни бороды и в отличие от большинства индусов едят мясо и пьют вино.

Я видел людей другого племени, которые закрывают рот повязкой, как у нас делают хирурги во время операции, — они боятся проглотить мошку, ибо самый страшный грех для них — съестъ живое...

В священных книгах индусов есть выражение: «Я — это ты». Индусская философия учила видеть в другом себя. Отсюда это глубоко гуманное отношение ко всему живущему и живому. Меня поража-ло, как прочно древнейшая мудрость во-

шла в быт народа, что отражено на всем мирном, невоинственном укладе жизни.

Но философия имела и отрицательную сторону. В книге Махабхарата есть герой, который во время битвы опускает меч и спрашивает бога Кришну, для чего

Фото
Я. Халипа

мы живем. Такая рефлексия ослабляла жизненную волю нации, делала ее неспособной противостоять колонизаторам.

Новая Индия преодолевает этот многовековой сон. Страна добилась независимости, строит новую жизнь. А война за свободу бенгальцев показала, что индийский народ способен побеждать на поле брани.

«О, пробудись, Восток седой!» — писал Тагор. Мы видели современные заводы, больницы, школы. На юге встретили советского инженера из Воронежа, он помогал налаживать печатные станки; в глубине страны, в древнем дворце, где сейчас находится местный университет, — двух женщин из Киева и Ленинграда, которые преподают русский язык...

Живая Индия наложила на фантастическую, книжную. Иллюзия была утрачена, но найдена реальность, с лихвой восполняющая потерю.

Памятник-гробница Тадж-Махал и новые жилые дома в районе Ашона; воин на боевом верблюде и современный лайнер в аэропорту Дели; приветливые лица людей — все это Индия, древняя и юная страна.

Жанр киномузыки в Индии сравнительно молод, он находится еще в стадии поиска. Часто мелодии экрана носят чисто развлекательный характер.

Но ряд композиторов создают для кино музыку содержательную, ярко образную и столь же ярко национальную, используя древние индийские инструменты, в частности знаменитый ситар. К ним относятся и Шанкар с Джайкшианом.

Музыка фильма «Мое имя — клоун» запоминается. Она не просто сопровождает кадры, а углубляет драматизм, раскрывает характеры и душевные переживания героев. Такова, например, песня клоуна, которая прозвучит на звуковой странице в исполнении Мукеша. Она проходит лейтмотивом через весь фильм:

*Вы слышите песню мою каждый вечер —
без цирка нет жизни мне, здесь мое место.*

*Годы пройдут, я уйду в неизвестность,
а песня моя звучать будет вечно...*

Еще одна песня нашей звуковой страницы — песня-загадка: «Впереди фазан и сзади фазан, справа фазан и слева фазан. Сколько красивых фазанов вокруг? А ну-ка, сосчитай!» Она взята из первой серии фильма, рассказывающей о детских годах Раджу. Поет ее Аша Бхосле.

Б. ЗАЙЦЕВА

Юрий ТРИФОНОВ

Из романа «Нетерпение»

Обрушилась осенняя непогода, холода, дожди. Потоки воды катились с высот в низины и наполняли грязью громадный овраг, где нужно было лежать неподвижно, как в гробу, выжидая. Будто кладбище, затопленное наводнением. Всю работу приходилось делать ночью. Яшка Тихонов оберегал с одного бока, со стороны Лозовой, Ванечка — со стороны Александровска. Сверлить насыпь буром и закладывать мины Желябов обязан был сам. Его дело! Одно худо — ночью плохо видел. И вообще-то зрение за последние годы ухудшилось, а в потемках совсем никуда. Несколько ночей прошло, пока научились находить свой овраг, а то плутали. Одну ночь всю проплутали, так и не нашли, вернулись домой. Баска привычно ужасалась: «Мать моя! Страхи!» Возвращались в земле, в грязи, во всем мокром. Печь топились круглые сутки, чтоб платье сушить.

Ночи две, а то и три ушли на укладку провода: от проселочной дороги нужно было тащить к оврагу, нырять вниз, по дну, карабкаться склоном наверх, к насыпи, и немисливо не только фонарем посветить или спичкой фукнуть, но сделать самонаименьший шумок, скрип. Сторожа ходят беспрестанно. Шут их знает, отчего такая подозрительность? То ли что-то почуяли, а может, чья-то выдача, туманная, издадека? Потому что, если б прямое указание, весь бы Александровск затопило синими мундирами и шпиками переодетыми, но ничего незаметно. Все тихо, только вдоль дороги шныряют.

Еще вот какой перепуг: дожди. Возникла опасность катастрофы, как было недавно где-то, газеты писали: рельсы разошлись, вагоны попадали под откос, их засосало грязью, люди погибли. По четыре, по пять раз в ночь обходчики появлялись вблизи оврага, проходили, мелькая фонарями, переговариваясь, — а трое лежали на дне оврага, в сырой черноте, замерев, не дыша. И тела их, как насыпь, пропитывались водой, становились жидкими, готовы были расползтись.

Но кроме сторожей вдоль полотна ходила вооруженная охрана, переодетые жандармы. Этих не интересовало ковар-

Когда роман о Желябове был уже почти закончен, я узнал о том, что сохранился в записи голос женщины, которая принимала участие в самых ярких, самых выдающихся предприятиях партии «Народная воля». В ноябре 1879 года ей и Желябову было поручено уехать из Петербурга в город Александровск под видом купеческой четы Черемисовых, чтобы организовать там покушение на Александра Второго. В «Народной воле» эту женщину звали Баской. На пятой звуковой странице вы услышите ее голос и узнаете ее настоящее имя.

...НА ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ

А. В. Якимова

ство природы, их занимало одно: злумышляющее человечество. Говорят, ведомство Дрентельна разбросало их по всему пути от Симферополя до Москвы. Сторожа, жандармы да проезжающие поезда — все было помехой, заставляло ждать, ждате, ждате. Лежали, ждали. Теперь оставалось: заложить цилиндры в пробуренные в насыпи дыры. Телега стояла на проселке, далековато, а подехать ближе никак нельзя: нет дороги. Пронесли снаряды в овраг и ждали.

На исходе ночи минута пришла, Ванечка сполз по склону, схватили вдвоем, потащили. Было сделано быстро. Но со второй миной едва не случилось несчастье. Вдруг показался сторож, Яшка заметил. Пришлось выволочить наполовину засунутую мину из дыры, спуститься под насыпь. И там лежали, вжавшись в землю, боясь дышать. Спасло то, что ветер внезапно усилился и вместо дождя повалил мокрый снег. Эта ночь оказалась удачной: заложили оба снаряда, и Ванечка соединил их проводом. Теперь последнее: от второй мины протянуть провод по дну оврага к дороге. Но это уже легче, куда легче! Главное позади. Ну-жен был день отдыха.

Баска мыла, стирала, сушила, гладила, мужики таскали воду, кололи дрова, но все равно — отдых. Вечером пришел со штофом водки приятель, биржевой извозчик Николай Афанасьевич Сагайдачный. Ванечка с Яшкой быстро исчезли, они жили в другом доме. Вовсе отказаться от угощения было нельзя, но и пить немисливо: ночью работать. Что делать? Для отвода глаз Желябов выпил две рюмки. Баска помогала тихонько (Николай Афанасьевич, уже захмелевши, не замечал), хозяин дома, Бовенко, оказался тут же, у даровой водочки, и получилась полная кутерьма до полуночи... Да тут еще Сагайдачный стал проситься на ночь, не то что проситься, а попросту, пока-закци, повалился на пол: «А ну ее, бисову жинку...» Поругался дома и не желал возвращаться в хату. Это уж была громаднейшая опасность. Ночь терять невозможно, каждую минуту мог нагрянуть из Симферополя Пресняков и объявить: завтра! А еще провод тянуть от второй мины через овраг.

Стал трясти Бовенко:

— Ради Христа, забери ты его отсюда! У меня баба молодая, ей при чужом мужике стеснительно...

— А баба у тебя ладная. — Бовенко кивал понимающе. — Замучила?

— Ну!

— Эге, видать же: как огарок, стоял, одна борода торчит...

Кое-как Сагайдачного спровадили на другую половину, там он захрапел, но Бовенко, странный малый, с каким-то особым, дурным интересом к тайной стороне жизни, не уходил, нес околесную, хохотал, подмигивал, выпрашивал. А приходилось делать все честь по чести: стелиться вместе, на одной лежанке. А то и обнять и на колено посадить при пьяном госте. Бовенко, ирод, смеялся:

— Ах ты, молодая, ты ж его и заезддила! Без тебя приехал, такой бугай здоровущий, а нынче, гляди: мослы да кожа, один статуй остался! — Реготал, довольный. — Ну, и зла ты, мать!

— А с вами, дураками, так и надо: все соки из вас тянуть, чтобы глупостей не было...

Баска отвечала лихо, находчиво. И никто бы не сказал, что эта туповатая купчиха, белобрысая и скуластая жительница какой-то северной глухомани, знает французский, читала Спенсера, Милля. Бовенко, уже сильно окосевший, норовил незаметно — ему казалось! — ушипнуть Баску за мягкое, но получил хорошую пллюху, отчего едва не слетел с лавки. Пришлось его, не думавши, вытолкать из горницы, он не сопротивлялся, только бормотал как будто с восторгом: «Ну, баба, ну, здоровуша!» Задудли свечки, ждали часа полтора, пока за стеной не установилась мертвая ночная тишь. Разговаривали шепотом.

Баска что-то рассказывала о себе: отец был сельский священник, в селе, и не выговаривать вотяцкого имени, Тумьюмчатском. Девушки рожали детей до свадьбы. И чем больше у девушки детей, тем она лучше, завидней: значит, хорошо способна к деторождению. Верили в домовых, водяных, леших. Да вообще: тьма, муть, серая, призрачная жизнь. Тумьюмчаты! Надо же придумать: родиться в селе с таким названием...

Желябов подумал о себе, вспомнил деда. Ведь вот что: умереть, пострадать.

Это же евангельское. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Он сжал маленькую руку женщины и почувствовал ее тепло и преданность и подумал: да, да, кроме всего, кроме высоких причин, научно обоснованных поводов, величайших закономерностей, есть еще простое искушение — душу свою за друзей своих. И если бы не было друзей, вот этой теплой ладони, в которой пульсирует нежная сила и вера, и там, на Севере, не было бы другой женщины, не было бы Дворника, Семена, умного Тигрыча, Морозова с его стихами, Степана, Сашки, да всех, всех, их мало для страны, но много для одного человека, а без них не было бы ничего. Это, может быть, страшно: но не было бы ничего. Умирать нужно ради кого-то, для кого-то. И учитель из Назарета, не будь у него учеников, не нашел бы силы для подвига.

В окно постукали тихим, условным стуком, и они пошли в темноту: Яшка впереди, за ним Ванечка, он последним.

Старые гравюры рассказывают о двух попытках покушения на народолюбца на Александра Второго: полиция обнаружила подкоп на Малой Садовой; взрыв снаряда 1 марта 1881 года.

В эту ночь обнаружилось ужасное дело. Дожди размывли почву, оголили провод, местами там нарушилась изоляция. Это была почти катастрофа. Всю работу по укладке провода нужно начинать сначала! На миг их охватило отчаяние. Они сидели под дождем, без сил — от смертной тоски — и ругались шепотом. Решили тянуть провода не по дну, где накапливалась вода, а по краю оврага. Работали всю ночь и всю следующую ночь... И тут возник Пресняков с сообщением, что царский поезд надо ждать каждый день, будет телеграмма: какой поезд взрывать. Пойдут два поезда, надо знать, в каком царь. Свита едет в свитском, царь в царском, но царь может переходить из одного в другой.

Теперь уже не оставалось ни дня, ни часа. Все должно быть готово. И, как на беду, выпала такая неистовая, бурная ночь с четырнадцатого на пятнадцатое ноября, что, провозившись полчаса, увидели безнадёжность, ураган валил с ног, опрокидывал, рисковали порвать провод и едва доползли до хаты. Наступили часы лихорадочной, бессонной жизни. Другая ночь была потише, но теперь появилось то, чего не было раньше: страх. Стало казаться, что их выслеживают, они предаются, окружены, с минуты на минуту из темноты выскочат жандармы. Глупости, больной вздор, но страх — особый, не за себя, за других — не пропадал.

Страх был такой: он боялся, что обнаружится, примет подходящих в потемках Яшку или Ванечку за сторожей и выстрелит. Отступать и прятаться было теперь невозможно. Да и нервы уже на пределе. Поезд мог быть завтра. Завтра, завтра! В ночь на шестнадцатое чуть не застрелил Яшку: тот чересчур прытко перебежал оврага. И на рассвете шестнадцатого все было наконец сделано: провода протянуты ладно, скрытно, два кончика их придавлены камнем, на своих местах лежали цинковые листы, и в норах под шпалами покоилось в медных панцирях божество, deus ex machina, обязанное в нужную секунду перевернуть судьбу России.

Вечером Баска открыла дверь гостю: приехал обросший бородой, со своим застылым взглядом Андрей Корнеевич и сказал: «Восемнадцатого утром».

Когда-нибудь на московский стадион «Динамо» станут водить экскурсантов. Приведут к восточной трибуне, укажут на пространство за воротами: «Здесь родился наш хоккей».

...Сверкающий квадрат льда ярким светом заливали с высоких мачт прожекторы, над темной трибуной клубился пар. Тысячи людей, презрев мороз, приезжали сюда со всех концов Москвы, чтобы посмотреть на диковинную игру, на калейдоскоп разноцветных свитеров, на причудливые метания от борта к борту черной и плоской, похожей на коробку от сапожной вахсы каучуковой шайбы.

Восточная трибуна то ухала, словно взрывались фугаски, то замирала, вспыхивая в темноте красными точками папирос, и тогда слышимым становился страшный и неумолчный гул: тысячи зрителей стучали в унисон валенком о валенок, пытаясь согреть ноги.

Мороз радовал, пожалуй, лишь нас, мальчишек, он был союзником нашим: сунешь горячий пирожок окоченевшему контролеру — и ты на трибуне!

Но мороз сдавался и отступал, когда на ледяное поле выезжал Всеволод Бобров.

«Бобер, шайбу!» — кричали мы, и на трибунах становилось жарко. Болельщики пенесли от восторга: то, что хоккеист творил на льду, казалось сверхъестественным, непостижимым. Всю команду соперников «Бобер» оставлял за спиной. Слово в руках у него была не клюшка, а волшебная палочка.

Вот перед ним уже только защитник да врагерь. Защитник отчаянно бросается форварду под коньки, чтобы выбить шайбу. И в этот миг массивный, грузный Бобров, будто он невесом, взмывает в воздух, перепрыгивает через распластанного защитника. Держись, вратарь! Но тот не успевает ничего понять: Бобров, обхвачив ворота, аккуратно «завозит» шайбу прямо в угол.

Восточная трибуна топала валенками, восторженно редела. А Бобров — тогда еще не пришла мода благодарно обнимать игрока, забившего гол, — улыбался широченной улыбкой, по-

правляя на голове кожаный велосипедный шлем и торжественно-медленно скользил на прямых ногах к центру поля.

В том, что хоккей с шайбой в кратчайший срок завоевал огромную территорию нашей страны — от Прибалтики до Дальнего Востока, немалая заслуга ярких, самобытных спортсменов, таких, как В. Бобров, В. Трофимов, В. Пиканоров, А. Тарасов...

Советские хоккеисты никого не копировали, а все премудрости новой игры постигали своим умом. 26 лет назад пражская команда ЛТЦ приехала в нашу страну, чтобы показать, как надо играть в хоккей с шайбой. Пражане были немало удивлены: новички, едва познакомившись с хоккейной азбукой, уже выработали отчетливый собственный почерк.

Самобытность — вот что принесло советскому хоккею столь скорые победы на чемпионатах мира, на Олимпиадах. И первым из советских хоккейных капитанов, кто совершил крут почета с огромными серебряными кубками в руках — за победы в мировом и европейском чемпионатах, — был Бобров. Случилось это зимой 1954 года на Королевском стадионе Стокгольма. Ныне Всеволод Михайлович Бобров — старший тренер советской хоккейной сборной. Это он, стоя у бортика, руководил действиями советских игроков, когда они встречались с канадскими профессионалами.

Встречи советских хоккеистов и канадских «профи» развенчали миф о непобедимости, исключительности профессионалов из-за океана. Европейские школы хоккея, в том числе и наша, советская, оставаясь в основе глубоко самобытными, переняли друг у друга все лучшее, добились быстрого прогресса, заметно обогатили игру на льду. Канадские «профи» высокомерно не замечали бурного развития хоккейного искусства в Европе — и полагались за это. Наш хоккей богаче, разнообразней, интеллектуальнее, человечнее...

М. БЛАТИН,

спортивный обозреватель «Комсомольской правды»

Фото А. Бочина

СПОРТИВНАЯ
ДОБЛЕСТЬ

лихая музыка атаки

Как шайба входит в ворота? Точка зрения бойцов ледовой дружины.

Послушайте четвертую звуковую страницу. Гресиер Всеволод Бобров (справа внизу) и игроки сборной Владимир Шадрин, Юрий Ляткин, Владислав Третьяк говорят о психологии игры, о трудной дороге к голевому моменту. Звуковую страницу подготовили Борис Вахнюк и Валентин Скорзатин.

МЫ СКАЖЕМ: ДА!

— В свою старую, знакомую москвичам программу, — рассказал популярный американский певец Дин Рид нашему корреспонденту Екатерине Чаковской, — в этот свой приезд я включил две новых песни — «Как будет?» композитора Фелициано и «Мы скажем: да», которую я написал по просьбе оргкомитета X фестиваля молодежи в Берлине.

Я часто пою песни протеста, но я покою и песни о любви и счастье. Мне кажется, эти песни нельзя разделить. Обратная сторона песен протеста — это любовь: любовь к людям, к жене и детям, к стране, к человечеству.

ГОСТИ
МОСКВЫ

Протестуя против войны и социальной несправедливости, мы боремся за братство и взаимное доверие. Об этом и поется в моей песне: «Молодежь всего мира, всех цветов кожи, давайте все вместе запоем. Нас услышит весь мир, и тогда мы сильны. Агрессоры и империалисты призывают нас уничтожать друг друга, но против нашей воли они не заставят нас сделать это. Давайте возьмемся за руки и скажем миру: «Да».

Сам я родился и жил в деревне, а потом переехал в город. Я был очень наивным парнем и все время думал: «Как там будет со мной в городе?» Герой второй песни тоже прощается с родными местами. Перед ним дымный и шумный город: «Как там?»

слушайте

в

номере:

2 (107) февраль 1973
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки
В мире профессий.
Машиностроители.
Рисунок художника
Н. Кошкина.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25
Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28.XII 1972 г.
Б 04209. Подп. к печ.
12/1 1973 г. Формат
60x84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 6. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

1. Наш первенец. Рассказ о первом советском автомобиле.
2. Гаврош из 120-го полка. Вспоминает участник Сталинградской битвы В. Н. Харченков.
3. Там, где кончается асфальт. Были, записанные на трассе Айхал — Мирный.
4. Как шайба входит в ворота. Точка зрения бойцов ледовой дружины.
5. Голос минувшего. Говорит пародоволка А. Якимова. Первая публикация с комментариями писателя Ю. Трифонова.
6. Федор Шалипин и Энрико Карузо. Редкие записи.
7. «Балалаечка моя». Поет И. Суржиков, играют В. Нагорный и О. Глухов.
8. Песни Матвея Блантера представляет Эрнст Буш.
9. Музыка индийского кино.
10. Композитор Ю. Антонов. «Гармошка», «Твоя судьба».
11. Поет Дин Рид: «Мы скажем: да» и «Как будет?».
12. Эва Пиларова (Чехословакия): три песни.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Зачем мы пишем друг другу письма? Вероятно, для того, чтобы узнать о планах и переменах в жизни близких нам людей, принять участие в их судьбе советом, теплым словом, добрым напутствием. Итак, мы пишем письма и ждем ответа.

Какая же она, наша почта? Обширная и разнообразная. О чем спрашивают читатели и слушатели? Обо всем. Где получить путевку на строительство КамАЗа и как Магомаев стал певцом, сколько труб в знаменитом органе Домского собора и можно ли с помощью «Кругозора» выучить иностранный язык и научиться модному танцу?..

Из нашей почты мы выяснили, что жанр песни-репортажа, родившийся в «Кругозоре», завоевал признание читателей. Шесть лет назад в песне-репортаже прозвучал рассказ о подвиге курсанта Павла Шклярука, не бросившего над городом горящий самолет (МЭ, 1966 г.). А в редакции до сих пор приходят письма. «Пришлите, пожалуйста, адрес училища, где учился Павел», — просят, например, «красные следопыты» из Ленинграда. Дорогие следопыты! Павел Шклярук учился в городе Саратове.

Вообще школьники — частые авторы писем в адрес «Кругозора», и мы рады юному возрасту наших корреспондентов. Из письма ленинградской учительницы Н. Д. Александровой редакция узнала, что звуковой журнал помогает в школьной работе. «С первых дней знакомства с «Кругозором», — пишет она, — историко-революционные и другие материалы стали

вы нам писали

просто находкой для моей работы... Затаив дыхание, ребята слушали репортажи «Если тебе комсомолец имя» и «Мой комсомол, пишу тебе стихи...».

Начиная с нынешнего года в журнале введена рубрика «По просьбам читателей». В первых двух номерах под этой рубрикой уже прозвучала музыка из кинофильмов «Ромео и Джульетта» и «Мое имя — клоун». Впрочем, редакция всегда старалась предугадывать читательские запросы. Так было с «попущим» майором Клоссом и Бумбарашем, с песнями из телефильма «Тени исчезают в полдень» и телеспектаклей «День за днем», «Следствие ведут знатоки». Вот что пишет нам тов. Колваленко из Питигорска: «Смотрим фильм «Пусть говорят» — получаем от вас Рафаэля с песнями, смотрим «Королеву Шангхейера» — получаем Сариту Монтель с ее пением, смотрим «Смешную девочку» — получаем Барбару Стрейзанд... Редакция постарается впредь публиковать чаще музыку кино и телеэкрана.

Многие читатели пишут, что регулярно приобретать «Кругозор» в киосках «Союзпечати» сложно. «К сожалению, у нас невозможно непрерывно получать номера журнала. Прошу сообщить, можно ли что-нибудь сделать для этого. В. Каймре, Эстония». В управлении «Союзпечати» Эстонской ССР на запрос редакции ответили, что с 1973 года республика получает по 700 экземпляров, как раньше, а 3500.

Итак, ждем ваших писем!

Дорогой друг Матвей Блантер!

В январе тридцать седьмого года я отправился из Москвы в Мадрид, увозя целый рюкзак песни борьбы и среди них того «Партизана Железняк». Я пел твою песню бойцам интернациональных бригад, а после предательского удара, нанесенного испанскому народу осенью тридцать девятого года, я пел «Железняк» также в Голландии — на большом митинге дружбы с Советским Союзом. Партизан Железняк был рядом всегда. Потом пришла война.

Из Бранденбургской каторжной тюрьмы я вернулся домой с парализованной щекой и поврежденной барабанной перепонкой. Двери фашистского застенка открыла передо мной Красная Армия.

И вот в июне сорок пятого я был обрадован неожиданным приездом в Берли старых московских друзей — поэтов и переводчиков Болотина и Сикорской. Они вошли ко мне с гитарой и с ворохом свежих советских песен. Одна из них глубоко меня тронула: «Жди меня, и я вернусь...» В шестьдесят седьмом ты услышал эту песню на празднике пятидесятилетия Октября в городе Буна. Тогда она прозвучала в исполнении дуэта Констан-

тина Симонов — Эрнст Буш. Горячими аплодисментами публика встретила тебя — композитора.

Твоя «Катюша» всегда была для нас народной песней. Твоя песня «Перед дальней дорогой» (со строфой «Давай, космонавт, потихонечку трогай и песню в пути не забудь») ждет лишь «подходящего соседства», чтобы появиться у нас на пластинке.

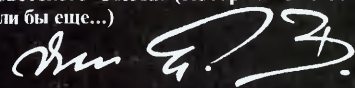
Сейчас мы выпускаем диск со стихами Эриха Вайнера и историческими песнями, среди которых есть и твоя великолепная «Песня мщения» (в нашем переводе она называлась «Все оружие против Гитлера»).

Теперь тебе семьдесят, и ты сочинишь музыку. Мне — на три года больше, и я все еще записываюсь на пластинки. Чего ж нам большего? Мы прошли сквозь годы и сохранили бодрость духа. Дай-ка я обниму тебя... Мы здесь все желаем тебе здоровья.

За победоносную Октябрьскую революцию!

За следующие полвека Советского Союза! (Которые мы с тобой с удовольствием прожили бы еще...)

Сердечный привет тебе от старого Эрнста Буша.

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

ПИСЬМО ДРУГУ

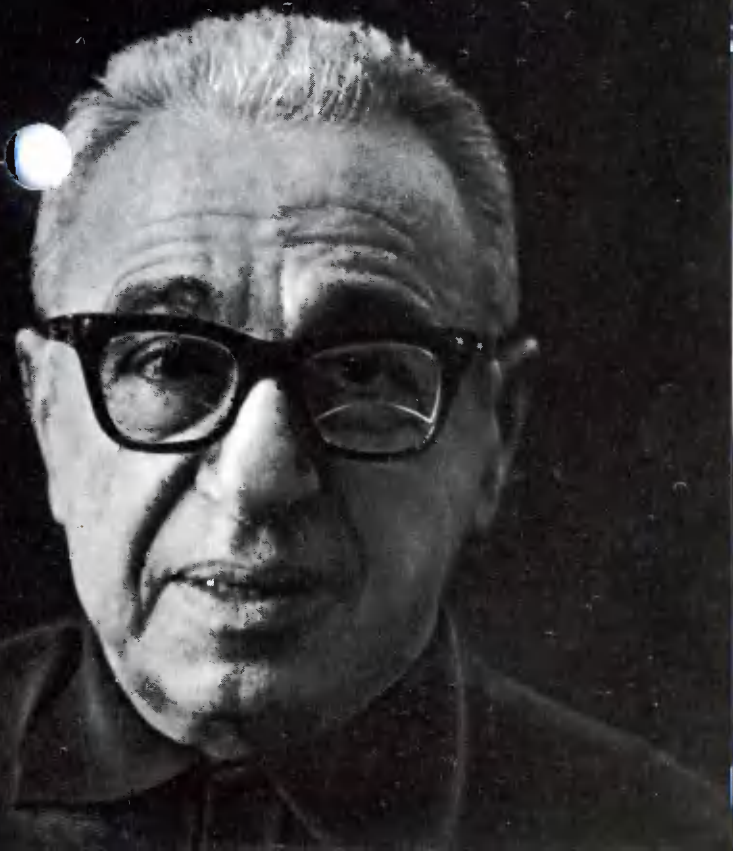
Эрнст БУШ,
лауреат Международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»

8

Приветственным словом и песнями
«Партизан Железняк»
и «Жди меня»

Эрнст Буш открывает страницу
блантеровских песен,
вошедших в мировую дискотеку
еще со времен «Катюши».

Фото А. Лидова

ЭВА ПИЛАРОВА

ЭСТРАДА
ПЛАНЕТЫ

12

Чехословакия

В 1960 году к рампе пражского эстрадного театра «Семафор» вместе с Иржи Сухи и Вальдемаром Магушкешкой вышла новая певица. Только это соседство могло служить рекомендацией для Эвы Пиларовой: имя ее еще ничего не говорило даже знатокам эстрады.

Эва окончила экономический техникум в Брно, но в последний момент все-таки решила не связывать свою жизнь с цифрами. Правда, в Бrienской консерватории, куда она затем поступила, ее сочли «бесперспективной» (такой же аттестации удостоился в свое время и Карел Готт). Но для Эвы никакого возврата к прошлому уже не было. И вот «Семафор» открыл перед ней зеленый свет. Он горит и сейчас перед одной из лучших и популярных эстрадных певиц Чехословакии.

Голос Пиларовой, который можно назвать и мягким и звучным, но прежде всего уминым, звучит с эстрады, в радиопередачах и телепрограммах. Кстати, но телевидению певица выступает в роли «Тети из детского сада», и ее песенки знают наизусть все девочки и мальчики Чехословакии. «Взрослая» же часть репертуара Пиларовой — это песни о горе, любви, ненависти, привязанности — в общем, о значительном, о категориях, далеких от обычного, приземленного... Выбирая текст, мелодию, Пиларова стремится к красоте. Ее концертные программы изысканны, их ценят, как говорится, люди, «со вкусом». Но сколь важно это развитие вкуса именно в сфере эстрады!..

Пиларову любят в Чехословакии. И вспоминают не только призы, привезенные ею из Хельсинки, Сопота, Сплита, Варны, Рио-де-Жанейро, Канн. От нее всегда ждут нового. Ждут, может быть, слишком требовательно. Поэтому в журнальных и радиоанкетах Эва иногда и не занимает первого места. Слушательская и зрительская любовь капризна и переменчива. Но все-таки без «Соловьиного приза», присуждаемого в результате этого опроса, хотя бы бронзового, Пиларова еще ни разу не оставалась.

Р. ХРИПУНОВА

Цена 1 руб.